

УДК 81'282=511.152
EDN MHRYQQ<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ДИАЛЕКТАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Г. С. Иванова¹✉, Е. А. Николаева², О. В. Белкина³, К. И. Сайгутина¹¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия² Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия³ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

✉galina17-05@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современном мокшанском языке различаются два типа спряжения — безобъектное и объектное. Объектное спряжение характеризуется наличием субъектно-объектных суффиксов, выражающих лицо и число субъекта и объекта действия. По объектному спряжению изменяются только транзитивные глаголы, а также не транзитивные, выступающие в значении транзитивных. В статье мы рассматриваем объектные формы прошедшего времени в диалектах мокшанского языка с целью выявления диалектных особенностей.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили диалектные данные, собранные с 2005 по 2016 г. в районах компактного проживания мокшанского населения на территории Республики Мордовия. Основными методами исследования стали синхронно-описательный и сопоставительный. Первый нашел применение при синхроническом описании словоизменительных явлений в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка, второй — при более конкретном анализе языковых процессов на междиалектном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение. Имеющийся фактический материал позволил провести междиалектные сравнения языковых фактов, которые дали неоднозначные результаты: с одной стороны, это наличие омонимичных форм, которые свойственны всем диалектам, с другой — сохранение (развитие) отдельных формантов в составе субъектно-объектных суффиксов. Были выявлены особенности в агглютинации показателей субъекта и объекта. Дифференциация на фонетическом уровне, наблюдаемая в диалектах мокшанского языка, затронула как корневую морфему, так и субъектно-объектные суффиксы. Результаты исследования найдут применение в практике преподавания дисциплин по диалектологии мокшанского языка в вузах Республики Мордовия, написании рефератов, курсовых и выпускных работ.

Заключение. Перспектива дальнейшего изучения проблемы видится в комплексном исследовании морфологии глагола в диалектах мокшанского языка с целью составления мокшанского диалектологического атласа, отражающего специфику глагольного словоизменения как в синхронии, так и в диахронии.

Ключевые слова: мокшанский язык, диалект, глагол, парадигма словоизменения, объектное спряжение, субъектно-объектный суффикс

Для цитирования: Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И. Специфика объектных форм прошедшего времени в диалектах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 186 — 197. EDN MHRYQQ

© Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И., 2023

Original article

SPECIFICITY OF OBJECT FORMS OF THE PAST TENSE IN THE DIALECTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

G. S. Ivanova¹✉, Nikolaeva E. A², O. V. Belkina³, K. I. Saigutina¹

¹ National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryova,
Saransk, Russia

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

³ Research Institute for the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia
✉galina17-05@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the modern Moksha language, two types of conjugation are distinguished — objectless and object. The object conjugation is characterized by the presence of subject-object suffixes expressing the person and number of the subject and object of the action. According to the object conjugation, only transitive verbs change, as well as non-transitive, acting in the meaning of transitive. In this article we consider the object forms of the past tense in the dialects of the Moksha language in order to identify dialect features.

Materials and methods. The material for the study was the dialect data collected from 2005 to 2016 in the areas of residence of the Moksha population on the territory of the Republic of Mordovia. The main research methods were synchronous descriptive and comparative methods. The first found application in the synchronous description of inflectional phenomena in the central, southeastern and middle Vad dialects of the Moksha language, the second was used in a more specific analysis of linguistic processes at the interdialectal level.

Results and discussion. The available factual material made it possible to carry out interdialectal comparisons of linguistic facts, which gave ambiguous results: on the one hand, this is the presence of homonymous forms that are characteristic of all dialects, on the other hand, the preservation (development) of individual formants as part of subject-object suffixes. Peculiarities in the agglutination of the indicators of the subject and object were revealed. The differentiation at the phonetic level, observed in the dialects of the Moksha language, affected both the root morpheme and the subject-object suffixes. The results of the study will find application in the practice of teaching disciplines in the dialectology of the Moksha language in the universities of the Republic of Mordovia, writing essays, term papers and graduation papers.

Conclusion. The prospect of further study of the problem is seen in a comprehensive study of the morphology of the Moksha verb in the dialects of the Moksha language with the aim of compiling the Moksha dialectological atlas, reflecting the specifics of the Moksha verbal inflection both in synchrony and in diachrony.

Keywords: Moksha language, dialect, verb, inflection paradigm, object conjugation, subject-object suffix.

For citation: Ivanova GS, Nikolaeva EA, Belkina OV, Saigutina KI. Specificity of Object Forms of the Past Tense in the Dialects of the Moksha Language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):186—197. EDN MHRYYQ

Введение

Данная статья является продолжением исследований по морфологии мокшанских диалектов. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения парадигматического потенциала объектного спряжения в мокшанском диа-

лектном ареале для пополнения банка данных по морфологии мокшанского глагола и составления лингвистического атласа мокшанских диалектов.

Актуальность темы связана с решением следующих задач: 1) выявление информантов среди носителей того или иного диалекта; 2) сбор диалектного материала; 3) фиксация языковых фактов посредством применения всевозможных приемов, управляющих речевым поведением информанта; 4) сравнительный анализ языковых явлений.

Объектом исследования являются юго-восточный, центральный, средне-вадский диалекты мокшанского языка, отличающиеся друг от друга в первую очередь фонетическими и морфологическими признаками.

Обзор литературы

Методологической базой исследования послужили научные труды ведущих ученых финно-угроведов, а также работы мордовских диалектологов. Диалектные особенности мокшанского языка всегда находились в центре внимания ученых, они описаны в работах многих исследователей: Х. Паасонена [17], К. И. Ананьиной [2], Р. В. Бабушкиной [3], С. З. Деваева [4], С. И. Липатова [9], А. П. Феоктистова [13], Г. С. Ивановой [5; 6; 14], Н. Ф. Кабаевой [7], М. З. Левиной¹ и др.

Самая внушительная работа по объектному спряжению глагола в современных мордовских языках принадлежит П. Г. Матюшкину, который в диссертационном исследовании подробно описал глагольное изменение в мокшанском и эрзянском языках по всем семи наклонениям. Автор выделяет три основных момента, характерных для данного типа спряжения: 1) переходность глаголов; 2) выражение глаголами законченного действия; 3) определенность объектов действия. Он отмечает, что объектное спряжение в мокшанском языке от эрзянского отличается аффиксами и формами времени, к тому же в отличие от мокшанского в эрзянском языке субъектно-объектные суффиксы имеют варианты [11].

Справедливости ради следует отметить, что образцы объектного спряжения глаголов в эрзянском и мокшанском языках с кратким грамматическим очерком даются еще в первой вузовской грамматике мордовских языков (автор раздела «Глагол» Р. А. Заводова)² [4], соответствующие разделы имеются и в более поздних грамматиках мордовских языков³ [5; 15].

Как отмечает К. Е. Майтинская, дифференциация на объектный и безобъектный типы спряжения имеется и в других языках финно-угорской группы: венгерском, хантыйском, мансийском, входящих в угорскую подгруппу, а также в самодийских. Однако, если в мордовских языках имеются специальные местоименные форманты, указывающие на лицо объекта, то в угорских языках показатели объектных форм не имеют отношения к лицу объекта. Относительно возникновения объектного спряжения большинство исследователей сходятся на том, что его развитие можно отнести к концу распада финно-угорского праязыка в результате па-

¹ Левина М. З. Мокшень диалектологиясь: тонафнемань пособия. Саранск, 2014. 176 с.

² Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: фонетика и морфология. Саранск, 1962. 376 с.

³ Грамматика мордовских языков. Саранск, 1980. 430 с.; Мокшень кяль. Морфология. Саранск, 2000. 236 с.

раллельных процессов, хотя предпосылки могли появиться еще в прауральскую эпоху [10].

Формирование спряжения, по мнению П. Хайду, началось с 3-го лица, где существовали две возможности образования глагольных форм: у транзитивных глаголов с личным окончанием, у интранзитивных — без него; далее разграничение между двумя типами спряжения проникло из 3-го лица в два первых, откуда и началось формирование объектного спряжения [16]. Б. А. Серебренников связывает начало развития объектного спряжения в восточных финно-угорских языках с 1-м лицом прошедшего времени на основе использования лично-притяжательных суффиксов в их собственном значении [12, с. 194].

Л. Керестеш отмечает, что носители мордовских языков воспользовались древними элементами, находившимися в их распоряжении, и когнитивным восприятием действительности, посредством которого все больше и больше новых элементов включалось в мордовскую языковую структуру [8, с. 103, 110 — 111].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили диалектные данные, хранящиеся в словарном кабинете филологического факультета, а также собранные авторами в районах компактного проживания мокшанского населения на территории Республики Мордовия. Во время работы над статьей наиболее эффективными методами исследования были признаны синхронно-описательный и сопоставительный; система исследовательских приемов синхронно-описательного метода была использована при синхронической характеристике диалектных явлений на данном этапе развития мокшанского языка; сопоставительный метод был применен при более глубоком анализе языковых фактов, каковым является выявление различий в парадигме прошедшего времени объектного спряжения на междиалектном уровне.

Результаты исследования и их обсуждение

Современные форманты объектного спряжения имеют генетическую связь с притяжательными суффиксами имени; они кроме числа и лица субъекта действия могут выражать число и лицо объекта, на который направлено действие, а также время совершения действия и наклонение. При этом глагол имеет три лица (1, 2, 3-е), два числа (ед. и мн.), четыре времени (настоящее, I прошедшее (основное), II прошедшее (продленное), будущее сложное) и семь наклонений (индикатив, конъюнктив, императив, кондиционалис, кондиционалис-конъюнктив, дезидератив, оптатив). Кроме того парадигматическая система объектного спряжения имеет шесть словоизменительных рядов: *mon'* 'меня', *ton'* 'тебя', *son'* 'его', *min'* 'нас', *t'in'* 'вас', *s'in'* 'их', и во всех шести парадигмах субъектно-объектные показатели свойственны для всех трех лиц⁴.

Форманты располагаются в следующей последовательности: показатели лица объекта, времени, числа, лица субъекта.

Мы проанализируем объектные формы прошедшего времени в индикативе. Данный вопрос исследователями до сих пор не рассматривался.

⁴ Грамматика мордовских языков.

Из всех наклонений мокшанского языка индикатив отличается отсутствием суффикса наклонения: форма индикатива состоит из глагольной основы (производной или непроизводной) и словоизменительного аффикса 1, 2 или 3-го лица.

Диалектные формы индикатива мокшанского языка дифференцированы прежде всего на фонетическом и морфологическом уровнях. Различия фонетического плана заключаются в наличии или отсутствии фонемы *ä* в составе субъектно-объектных суффиксов: данная фонема присутствует только в центральном, в юго-восточном и средне-вадском диалектах в позиции ауслаута после палатального или палатализованного согласного, а также в середине слова между палатальными или палатализованными согласными *ä > e* [7; 13; 14], например: центр. *-t'ä(n')*, ю.-в., ср.-в. *-t'e(n')*; центр. *-t'äd'äz'*, ю.-в., ср.-в. *-t'ed'ez'*.

В индикативе мокшанского языка два прошедших времени: I прошедшее и II прошедшее. Формы I прошедшего времени обозначают как законченное, так и длительное действие, II прошедшего времени — незаконченное действие.

I прошедшее время образуются путем присоединения личных окончаний прошедшего времени к основе глагола.

В диалектах мокшанского языка показателем I прошедшего времени выступает суффикс *-aj / -ej / -a / -e* — в формах 1-го и 2-го лица; *-z' < *s'* — в форме 3-го лица; показателями объекта действия являются: в парадигмах *mon'* 'меня', *min'* 'нас' — *-ma; ton'* 'тебя', *t'in'* 'вас' — *-t' / -d'*; в парадигмах *son'* 'его', *s'in'* 'их' — *s' / -z'* (звонкий вариант появился в результате ассимиляции со стороны звонкого согласного или в интервокальном положении) [15, с. 512].

Особенность спряжения в I прошедшем времени в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка заключается в следующем:

1. В парадигмах *mon'* / *min'* отсутствуют формы 1-го лица ед. и мн. числа; являются тождественными: а) формы 2-го лица мн. числа в парадигме *mon'* 'меня', 2 лица ед. числа и мн. числа в парадигме *min'* 'нас': ю.-в. *askə-mas't'* / центр. *uskə-mas't'* / ср.-в. *usk(ə)-mes't'* 'вы меня подвезли; ты нас подвез; вы нас подвезли'; б) формы 3-го лица мн. числа в парадигме *mon'* 'меня', 3-го лица ед. числа ряда *min'* 'нас' и 3-го лица мн. числа в парадигме *min'* 'нас': ю.-в. *askə-maz'* / центр. *uskə-maz'* / *usk(ə)-mez'* 'они меня подвезли; он нас подвез; они нас подвезли'.

Показателем 2-го лица ед. числа субъекта и 1-го лица ед. числа объекта действия служат междиалектные дублиеты суффикса — центр., ю.-в. *-majt'* / ср.-в. *-mej't'*: *askə-majt'* / *uskə-majt'* / *usk(ə)-mej't'* (*ton* — *mon'*) 'ты меня подвез'; 3-го лица ед. числа субъекта и 1-го лица ед. числа объекта — суффикс центр., ю. в. *-man'* / ср.-в. *-men'*: *askə-man'* / *uskə-man'* / *usk(ə)-men'* (*son* — *mon'*) 'он меня подвез'.

2. Во всех рассматриваемых диалектах в парадигмах *ton'* / *t'in'* отдельные субъектно-объектные суффиксы имеются лишь в форме 1-го лица ед. числа ряда *ton'* 'тебя' — *-t'ən'*: центр., ср.-в. *usk-iJ-t'ən'* / ю.-в. *usk-iS'-t'ən'* (*mon* — *ton'*) 'я тебя подвез' и в форме 3-го лица ед. числа ряда *ton'* 'тебя' — центр. *-n'd'z'ä'* / ю.-в. *-n'd'z'ət'* / ср.-в. *-n'd'z'ë'*: центр. *uskə-n'd'z'ä'* / ю.-в. *uskə-n'd'z'ət'* / ср.-в. *uskə-n'd'z'ë'* (*son* — *ton'*) 'он тебя подвез'.

Две формы ед. числа в парадигме *ton'* 'тебя' и форма мн. числа в парадигмах *ton'* 'тебя' / *t'in'* 'вас' совпадают, они выражаются с помощью суффикса — центр. *-d'äz'* / ю.-в., ср.-в. *-d'ez'*: центр. *uskə-d'äz'* / ю.-в. *askə-d'ez'* / ср.-в. *uskə-d'ez'*

(*mon* — *t'in'*; *son* — *tin'*; *min* — *t'on'*; *s'in'* — *ton'*; *min* — *t'in'*; *s'in'* — *t'in'*) ‘я вас подвез; он вас подвез; мы тебя подвезли; они тебя подвезли; мы вас подвезли; они вас подвезли’.

3. В парадигмах *son'* / *s'in'* аналогичные суффиксы определяют формы 1, 2 и 3-го лица ед. числа: *-i(j)n'ä* / *-i(j)n'ë* / *-i(j)n'ə(n')* (1 л.), *-i(j)t'* (2-е лицо).

Формы 3-го лица ед. числа в парадигмах *son'* / *s'in'* отличаются показателем множественности объекта *-n'*, который присоединяется к показателю лица *-z'ə*: *uskə-z'ə* ‘он его подвез’, *uskə-z'ən'* ‘он их подвез’; во мн. числе в рядах *son'* / *s'in'* формы 3-го лица совпадают: *uskə-z'* ‘они его подвезли; они их подвезли’.

4. Специальные форманты для выражения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа объекта действия в парадигмах *son'* / *s'in'* имеются лишь в юго-восточном диалекте, где 1-е лицо ед. числа объекта передается при помощи суффикса *-i(j)n'ək*: *usk-i(j)n'ək* (*min'* — *s'in'*) ‘мы их подвезли’; 2-е лицо ед. числа — при помощи суффикса *-s't'*: *uskə-s't'* (*t'in'* — *son'*) ‘вы его подвезли’.

5. В средне-вадском диалекте в составе формантов 3-го лица ед. и мн. числа в парадигмах *ton'* / *min'* ‘меня / нас’; 1-го и 3-го лица мн. числа в парадигме *ton'* ‘тебя’, а также 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа в парадигме *tin'* ‘вас’ сохранился формант *j*: центр., ю.-в. *-maz'* / ср.-в. *-m'ejz'*, центр. *-d'üz'* / ю.-в. *-d'ez'* / ср.-в. *-d'ejz'*.

Специфика объектных форм **I прошедшего времени** в центральном, юго-восточном и средне-вадском диалектах мокшанского языка представлена в табл. 1.

Таблица 1 Спряжение глагола *s'imd'əms* ‘подвезти’ в I прошедшем времени
Table 1 Conjugation of the verb *s'imd'əms* ‘to give drink’ in the I-st past tense

А)

Единственное число	Множественное число
1	2
Ряд <i>ton'</i> ‘меня’	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-majt'</i> , центр. <i>s'imd'ə-majt'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejt'</i> ‘ты меня напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘вы меня напоили’
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-man'</i> , центр. <i>s'imd'ə-man'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejn'</i> ‘он меня напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejz'</i> ‘они меня напоили’
Ряд <i>min'</i> ‘нас’	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘ты нас напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'es't'</i> ‘вы нас напоили’
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'ejz'</i> ‘он нас напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-m'e(j)z'</i> ‘они нас напоили’

Б)

Ряд <i>ton'</i> ‘тебя’	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-iS't'ən'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-iJ't'ən'</i> ‘я тебя напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'üz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> ‘мы тебя напоили’
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-n'd'z'ə (-t')</i> ‘он тебя напоил’	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'üz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-d'e(j)z'</i> ‘они тебя напоили’

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2
Ряд <i>t'in'</i> 'вас'	
1 лицо ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-d'e(j)z'</i> 'я вас напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'мы вас напоили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'он вас напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'(ə)-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-d'e(j)z'</i> 'они вас напоили'

В)

Ряд <i>son'</i> 'его'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-in'ě</i> , центр. <i>s'imd'-i(j)n'ä</i> , ср.-в. <i>s'imd'-i(j)n'ə(n')</i> 'я его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s'k</i> 'мы его напоили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-i(j)t'</i> 'ты его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s't'</i> 'вы его напоили'
3 лицо ю.-в., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'ě</i> , центр. <i>s'imd'ə-z'ä</i> 'он его напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'</i> 'они его напоили'
Ряд <i>s'in'</i> 'их'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'-in'ə</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-in'ə</i> / <i>s'imd'-i(j)n'ə(n')</i> 'я их напоил'	ю.-в. <i>s'imd'-i(j)n'ək</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s'k</i> 'мы их напоили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'-i(j)t'</i> 'ты их напоил'	ю.-в. <i>s'imd'-ijən't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-s't'</i> 'вы их напоили'
3 лицо ю.-в., центр. <i>s'imd'ə-z'ən'</i> , ср.-в. <i>s'imd'(ə)-z'n'</i> 'он их напоил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-z'</i> 'они их напоили'

Отрицательная форма I прошедшего времени образуется с помощью частицы *aš*, которая стоит перед глаголом и принимает личные аффиксы, исключение составляет ельниковская группа говоров, где агглютинация субъектно-объектных суффиксов производится к глагольной основе: центр., ю.-в. *ašə-maz' s'imd'ě* / ср.-в. *ašmez' s'imd'* / ельн. *aš s'imd'ə-maz'* 'он (они) нас (меня) не напоили', ю.-в. *aš-ijən't' s'imd'ě* / центр. *ašəs't' s'imd'ə* / ельн. *aš s'imd'ə-s't'* 'вы их не напоили' и т. д.

II прошедшее время индикатива употребляется в том случае, если нужно представить действие в прошлом вне развертывания, его формы выражают действие, предшествующее другому действию.

Личные формы II прошедшего времени во всех шести рядах те же, что и в I прошедшем времени.

II прошедшее время имеет специальный показатель *-l / l'* со значением продолжительности действия в прошлом, исторически восходящий к глаголу *uləms* 'быть'⁵[1], который присоединяется к основе инфинитива, а в свою очередь субъектно-объектные суффиксы агглютинируют к суффиксу *-l'*.

В юго-восточном диалекте мокшанского языка в рядах *son'* / *s'in'* в форме 3-го лица наблюдается глухой вариант суффикса времени. Оглушение *l' → L'* произошло в результате выпадения суффиксального гласного.

Агглютинация субъектно-объектных суффиксов во II прошедшем времени представлена в табл. 2.

⁵ Мокшень кяль.

Таблица 2 Спряжение глагола s'imd'əms 'напоить' во II-м прошедшем времени

Table 2 Conjugation of the verb s'imd'əms 'to give drink' in the II-st past tense

А)

Единственное число	Множественное число
Ряд <i>mon'</i> 'меня'	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-majt'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-majt'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mejt'</i> 'ты меня напоил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'вы меня поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-man'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-man'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mejn'</i> 'он меня поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'они меня поили'
Ряд <i>min'</i> 'нас'	
1 лицо	—
2 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-mas't'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'ты нас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-mas't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-mes't'</i> 'вы нас напоили'
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-maz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'он нас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-maz'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-me(j)z'</i> 'они нас поили'

Б)

Ряд <i>ton'</i> 'тебя'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-išt'ən'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-iJt'ən'</i> 'я тебя поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-(ə)-d'äz'(-d'e(j)z')</i> 'мы тебя поили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ë</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ä</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-n'd'z'ät'</i> 'он тебя поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-(ə)-d'äz'(-d'e(j)z')</i> 'они тебя поили'
Ряд <i>t'in'</i> 'вас'	
1 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'я вас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'мы вас поили'
2 лицо —	—
3 лицо ю.-в. <i>s'əmd'ə-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'он вас поил'	ю.-в. <i>s'əmd'(ə)-l'-ə-d'ez'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-d'äz'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-d'e(j)z'</i> 'они вас поили'

В)

Ряд <i>son'</i> 'его'	
1 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'e</i> 'я его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s'k</i> 'мы его поили'
2 лицо ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-it'</i> 'ты его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s't'</i> 'вы его поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-L'-c'e</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'e</i> 'он его поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'</i> 'они его поили'
Ряд <i>s'in'</i> 'их'	
1 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'e</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-i(j)n'ə(n')</i> 'я их поил'	ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-in'ək</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s'k</i> 'мы их поили'
2 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-it'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-i(j)t'</i> 'ты их поил'	ю.-в. <i>s'imd'ə-l'-ijən't'</i> , центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-s't'</i> 'вы их поили'
3 лицо ю.-в. <i>s'imd'ə-L'-c'ən'</i> , центр. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'ən'</i> , ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'n'</i> 'он их поил'	ю.-в., центр., ср.-в. <i>s'imd'ə-l'-ə-z'</i> 'они их поили'

Отрицательная форма II прошедшего времени образуется с помощью частицы *af*, например: ю.-в. *afəl'əman' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əman' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'men' s'ir'ged'* 'он бы меня не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'əmajt' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əmajt' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'mejt' s'ir'ged'* 'ты бы меня не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'iš't'an' t'ir'd'ě* / центр. *afəl'iJ't'an' s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'iJ't'an' s'ir'ged'* 'я бы тебя не пригласил (позвал)'; ю.-в. *afəl'cə t'ir'd'ě* / центр. *afəl'əz'ə s'er'gäd'ě* / ср.-в. *afəl'əz'ə s'ir'ged'* 'он бы его не пригласил (позвал)'.

Образование объектных форм конъюнктива, кондиционалиса-конъюнктива, дезидератива тождественно формам II прошедшего времени индикатива, а кондиционалиса — формам настоящего-будущего времени; императив представлен только формой 2-го лица; объектные формы опатива в мокшанских диалектах развития не получили.

Таким образом, мы можем предположить, что объектное спряжение в мокшанских диалектах в современном виде сформировалось в период самостоятельного развития языка, однако наличие подобного спряжения в венгерском, хантыйском, мансийском языках, а также в самодийских может говорить о более ранних зачатках его появления.

Заключение

В результате анализа фактического материала мы пришли к следующим выводам:

1. Система объектного спряжения является самой сложной из всех реляционных систем мокшанского языка; его формы, кроме наклонения, являются носителями субъектно-объектных суффиксов, которые выражают лицо и число субъекта, лицо и число объекта действия, время совершения действия. В классическом варианте личные форманты присоединяются к непроизводной основе слова (посредством интерфиксального гласного или без него) в определенной последовательности: суффикс наклонения + субъектно-объектные суффиксы (показатель объекта и числа объектов + показатель субъекта и числа субъектов).

2. Междиалектные расхождения, появившиеся в период самостоятельного развития мокшанского языка, затрагивают как область морфологии, так и фонетический облик формантов.

3. Большой полнотой парадигма объектного спряжения отличается в юго-восточном и средне-вадском диалектах; в рядах *son' / s'in'* для 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа имеются специальные показатели: *-sa / -saj(n)* 'я — его / я — их'; *-sas'k / -sajn'ək* 'мы — его / мы — их'; *-sak / -sajt'* 'ты — его / ты — их'; *-sas't' / -sajən't'* 'вы — его / вы — их', в центральном диалекте формы ед. и мн. числа совпадают: *-sas'k* 'мы — его / мы — их'; *-sas't'* 'вы — его / вы — их'; *-saz'* 'они — его / они — их'.

4. Средне-вадский диалект в составе субъектно-объектных суффиксов 3-го лица имеет показатель прошедшего времени *j*, исторически восходящий к дифтонгическому сочетанию, тогда как в двух других — юго-восточном и центральном — дифтонгическое сочетание закономерно упростилось до гласного, это явление свойственно для обоих мордовских языков — мокшанского и эрзянского.

5. Фонетическая дифференциация формантов в первую очередь связана с распространением гласного среднего подъема *e* (<*ä), переднего ряда *i* (<*e) перед палатальными и палатализованными согласными — в юго-восточном и средне-

вадском диалектах, а также передвижкой артикуляции гласного *a* к переднему ряду с последующим сужением (*a > e*).

6. Общемордовская фонема **ä* наблюдается в составе субъектно-объектных суффиксов лишь в большей части центрального диалекта, в юго-восточном и средне-вадском диалектах произошло ее сужение. Появление глухого показателя прошедшего времени *-L-* в юго-восточном диалекте — результат регрессивной ассимиляции сонорного *l* со стороны последующего глухого согласного на морфемном шве.

В системе объектного спряжения мокшанского языка имеется много омонимичных форм, происхождение которых до сих пор заставляет задумываться: их наличие может являться результатом обобщения одних формантов в пользу других или то, что система объектного спряжения в мокшанском языке окончательно еще не сформировалась.

Вопрос происхождения и развития объектного спряжения в мокшанских диалектах требует дальнейшего исследования.

СОКРАЩЕНИЯ

Ед. число — единственное число, ельн. — ельниковская группа говоров, м. д. — мокшанский диалектный, мн. число — множественное число, ср.-в. — средне-вадский диалект мокшанского языка, центр. — центральный диалект мокшанского языка, э. — эрзянский язык, ю.-в. — юго-восточный диалект мокшанского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2021. 128 с.
2. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
3. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16 — 226.
4. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261 — 433.
5. Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского **ä* непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 25 — 33.
6. Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2011. № 4 (20). С. 99 — 108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf>
7. Кабаева Н. Ф., Дивеев А. В. Юго-восточный диалект мокшанского языка: фонетические особенности одного говора // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 453 — 461.
8. Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебрецен. ун-та. 2017. 186 с.
9. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
10. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
11. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 182 с.

12. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.
13. Феоктистов А. П. Мокшанские диалекты // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1990. Bd. I. S. 71 — 86.
14. Языки народов России: история и современность. Саранск: Западный, 2017. 100 с.
15. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 510 — 518.
16. Hajdu P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba: (A Magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 p.
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Souété Finno-Ougrinne, 1903. 123 p.

Статья поступила в редакцию 30.03.2023; одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

Информация об авторах:

Галина Софроновна Иванова, профессор кафедры мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/4), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galinal7-05@yandex.ru

Елена Анатольевна Николаева, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (117997, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36/3), кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8366-3958>, Nikolaeva.ELAN@rea.ru

Оксана Вячеславовна Белкина, аспирант отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Кристина Ивановна Сайгутина, магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (43005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>, saigutina2018@yandex.ru

Вклад авторов:

Иванова Г. С. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы, написание первоначального варианта статьи, научное редактирование текста;

Николаева Е. А. — сбор данных, анализ литературы;

Белкина О. В. — сбор данных, компьютерный набор текста;

Сайгутина К. И. — сбор данных, компьютерный набор текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Actual Issues of Linguistics and Linguodidactics. Saransk;2021. (In Russ.)
2. Ananyina KI. The Upper-Alatyr Dialect of the Moksha Language. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1974. (In Russ.)
3. Babushkina RV. Temyashevsky Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1966;4:16—226. (In Russ.)
4. Devaev SZ. The Middle Vad Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1963;2:261—433. (In Russ.)
5. Ivanova GS, Butylov NV. Representation of the Finno-Ugric *ä non-first syllable (based on Moksha Dialects). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(1):25—33. (In Russ.)

6. Ivanova GS., Kukushkina NF. The Degree of Study of the Phonetic Structure of Moksha Dialects. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(4):99—108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf> (In Russ.)
7. Kabaeva NF, Diveev AV. The Southeastern Dialect of the Moksha Language: Phonetic Features of One Subdialect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(3):453—461. (In Russ.)
8. Kerestesh L. The Fundamentals of Mordovian Linguistics. Debrecen;2017. (In Russ.)
9. Lipatov SI. Rybkin-Mamolaev Dialects of the Moksha-Mordovian Language. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1972. (In Russ.)
10. Maytinskaya KYe. Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages. Moscow;1979. (In Russ.)
11. Matyushkin PG. Object Conjugation of the Verb in the Mordovian Languages. Extended Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tartu;1973. (In Russ.)
12. Serebrennikov BA. Historical Morphology of Mordovian Languages. Moscow;1967. (In Russ.)
13. Feoktistov AP. Moksha Dialects. *X. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki;1990: 71—86. (In German)
14. The Languages of the Peoples of Russia: History and Modernity. Saransk;2017. (In Russ.)
15. Tsygankin DV, Ivanova GS. Assimilative Potential of Vowel Harmony in Languages of Agglutinative Type. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(3):510—518.
16. Hajdy P. Bevezetés Az Uráli Nyelvtudományba: (A Magyar Nyelv Finnugor Alapjai). Budapest;1966. (In Hungarian)
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors;1903. (In German)

The article was submitted 30.03.2023; approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Professor of the Mordovian Languages Department, National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia) Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Elena A. Nikolaeva, Associate Professor of the Foreign Languages Department, the Plekhanov Russian University of Economics (36/3 Stremyanny Lane, Moscow 117997, Russia), Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8366-3958>, Nikolaeva.ELAN@rea.ru

Oksana V. Belkina, Postgraduate Student of the Department of Language Studies, the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Kristina I. Saigutina, Master's Degree Student, National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2660-7970>, saigutina2018@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ivanova G. S. — concept development, methodology development, literature analysis, writing the original version of the article, scientific editing of the text;

Nikolaeva E. A. — data collection, literature analysis;

Belkina O. V. — data collection and processing;

Saigutina K. I. — data collection and processing.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.